

Первая прогулка богдыхана (Дорошевич)

Богдыхан Сан-Ян-Ки, — да будет он примером для всех! — всю благословенную жизнь свою питал особое пристрастие к познаниям и путешествиям.

Тем не менее, он благополучно царствовал 242 луны[2], и ему не удалось никогда видеть даже Пекина.

Конечно, причиною этого был вовсе не недостаток желания.

Каждый день богдыхан объявлял своему первому и полномочному министру Джар-Фу-Цяну:

— Сегодня я отправляюсь на прогулку и посмотрю Пекин!

Первый министр кланялся в ноги и спешил отдать необходимые приказания.

Являлась стража, музыка, приносили паланкины, знамёна, мандарины садились на коней.

Первый министр докладывал:

— Всё готово для исполнения твоей воли, сын неба!

И богдыхан шёл садиться в паланкин.

Но в эту минуту всегда что-нибудь да случалось.

То выходил из толпы придворных верховный астроном, повергался на землю и говорил:

— Властитель вселенной, ещё минута, и над Пекином разразится страшная гроза с ливнем и градом, величиной в ласточкино яйцо, которые ты кушаешь. Страшный вихрь будет слепить глаза, и ничего нельзя будет рассмотреть. Беда была бы тому паланкину, который очутится в эту минуту на улице. Его бы подхватило на воздух, завертело, подняло до облаков и потом так шарахнуло бы об землю, что, конечно, сидящий в нём не остался бы жить ни одного мгновенья. Такой страшный ураган разразится сегодня надо всем Пекином, исключая твоего дворца и сада. Само небо не смеет их тронуть. Так написано среди звёзд и переписано в наши книги, радость вселенной.

То выходил вперёд придворный историк, кланялся в ноги и говорил:

— Повелитель земли! Позволь тебе напомнить, что сегодня как раз день смерти твоего великого предка Хуар-Тзинг-Тзуна, жившего за двенадцать тысяч лун до нас, и обычай народный повелевает тебе в этот день безвыходно сидеть во дворце и предаваться, хотя бы наружно, печали!

То подбегал главный евнух, ударялся изо всех сил об землю и говорил:

— Повелитель рек, морей и гор! Только что привезли новую невольницу! Такой красоты я ещё никогда не видал. Цветок, только что сорванный цветок. Мгновение ока жаль потерять, не видя её. Пойди и только взгляни.

И прогулка отменялась.

Когда же, однако, исполнилось 242 луны счастливого царствования и настала 243, — богдыхан Сан-Ян-Ки сказал:

— Ну, нет! Довольно! я знаю, чьи это штуки! Это всё мудрит Джар-Фу-Цян. Но теперь пусть себе хоть лопнет, а я увижу Пекин!

Он подкупил преданных ему слуг и сказал:

— Бейте в большой гонг, звоном которого извещают о смерти богдыхана. Вопите как можно громче. Кричите: богдыхан умер! Рвите на себе одежды, царапайте себе лица, — вам будет заплачено за всё.

И он лёг на высокое ложе, которое приготовили, по его приказанию, преданные слуги.

Так и было сделано, как он велел.

Слуги ударили в большой гонг и объявили сбежавшимся бледным как смерть придворным:

— Свет солнца померк. Радость вселенной превратилась в печаль: наш премудрый богдыхан сидел за обедом, ел, ел и умер!

Дворец наполнился плачем и интригами.

Первый и полномочный министр Джар-Фу-Цян ползал по земле около преемника и говорил:

— Я посвящу тебя, сын неба, во все тонкости управления страной. Доверься мне.

По обычаю, первым долгом, торжественно опорожнили «корзину желаний», стоявшую около императорского трона.

В ней, впрочем, была только одна бумажка, и на ней было написано только одно желание почившего богдыхана:

«Желаю, чтоб меня похоронили на том же ложе, на котором я буду лежать во дворце, — и пусть никто не осмеливается не только до меня дотрагиваться, но и близко ко мне подходить».

Желание почившего богдыхана священо и было исполнено.

Его несли на императорское кладбище на том же ложе, высоко поднятом над толпой, на котором он лежал во дворце.

Шествие было пышное и блестящее. Все были в белом.

Улицы Пекина были полны народом, который сбежался посмотреть на богдыхана, хоть на мёртвого.

Жрецы пели, придворные рыдали, народ делал свои замечания, а богдыхан лежал на своём возвышенном ложе и, приоткрыв один глаз, смотрел на Пекин.

«Ну, и свиньи же китайцы! — думал он, лёжа и глядя. — Как они могут жить под такими дырявыми крышами? Хоть бы были ещё при этом тепло одеты на случай дождя, а то ходят рваные и драные. Послушать, однако, что такое они вопят?»

И, насмотревшись, он принялся слушать.

А пекинцы вопили:

— Ага! Дворцовая лисица, Джар-Фу-Цян, конец пришёл твоим грабёжам и разбоям! Как новый богдыхан прикажет отрубить тебе голову, иди на тот свет без головы! А мы-то уж на неё поплюём, как выставят её на всеобщее посрамление! Не будешь больше нас раздевать догола!

— Эге! Вот они почему такие! — сказал себе богдыхан. — Погоди же!

Шествие, между тем, приблизилось к императорскому кладбищу. Народ удалили, и около могилы стали одни придворные.

— Ха, ха, ха! — расхохотался богдыхан, поднимаясь на ложе. — Ловкую штуку я с вами сшутил? А? Ну, Джар-Фу-Цян, не случилось никакого урагана во время моей прогулки по Пекину?

Все стояли бледные, а Джар-Фу-Цян бледнее всех. Все дрожали, а Джар-Фу-Цян сильнее всех.

— Что ж ты хочешь теперь делать? — спросил он.

— Первым долгом, — отвечал богдыхан, — вернуться во дворец и сесть снова на трон, а дальше уж видно будет!

Джар-Фу-Цян беспомощно оглянулся на придворных.

— Это невозможно! — воскликнул, выступая вперёд, придворный историк. — Мы должны жить согласно обычаям предков. А такого примера в истории не было, чтобы богдыхан умер и опять ожил. Это неслыханно. Это грозит страшными бедствиями и огромными волнениями среди народа! Это грозит гибелью Китаю, прямо надо сказать!

— Это невозможно! — воскликнул и верховный церемониймейстер. — Всё дело в этикете. А это нарушение всякого этикета. Всё сделано. Похороны состоялись. И главное, — корзина желаний открыта, а она, по этикету, открывается только после смерти богдыхана. Значит, ты помер, раз корзина открыта. Да и этикета такого нет, — для возвращения богдыхана с кладбища на трон. Кто же в стране будет исполнять наши священные законы, если мы сами первые не соблюдаем этикета! Это прямо грозит гибелью Китаю!

— Конечно, гибелью и ничем больше! — воскликнул и великий жрец. — Это противоречит всем святым установлениям нашей небесной религии. Сказано: раз богдыхан умер, — он становится богом. А бог не может быть богдыханом. Богдыхан должен быть смертным, он должен править страной, боясь небесного гнева. А бог — чего он будет бояться? Где же уверенность в его правоте? Это грозит всеобщим недовольством, смутами. Нарушение постановлений религии. Гибель, гибель Китаю!

Богдыхан посмотрел грустно-грустно кругом.

— Ну, что же! — сказал он. — Раз, действительно, это грозит такими бедствиями стране, — делать нечего! Закапывайте. Я не хочу гибели Китая.

— Не следовало делать этой прогулки, радость вселенной! Я всегда говорил, что она принесёт тебе несчастье! — сказал Джар-Фу-Цян, кидая первый лопату земли.

За такую прозорливость преемник Сан-Ян-Ки оставил Джар-Фу-Цяна первым министром и дал ему ещё больше полномочий.

А Джар-Фу-Цян первое, что сделал, — отрубил головы придворному историку, первому церемониймейстеру и верховному жрецу:

— Уж очень они хитры!